

Отец Андрей Колесников

МАШУ В ЕЕ ЖИЗНИ УСТРАИВАЕТ ВСЕ, МЕНЯ ПОЧТИ НИЧЕГО НЕ УСТРАИВАЕТ, А ВАНЮ — МНОГОЕ

МАША потеряла голос. Это была катастрофа, потому что она выступает в Театре песни. Больше того, это именно то, чем она занимается с наслаждением. Она даже поедет в Сочи на все-российский детский фестиваль и там споеет (и Ваня, кстати, тоже — то ли по какому-то счастливому стечению обстоятельств, то ли все-таки по недоразумению).

В конце августа мы мучительно размышляли, от чего Маше придется отказаться. От художественной гимнастики? От фортепиано? От изо? От Театра песни?

Маша не хотела отказываться ни от чего. Ее жизнь устраивает ее во всех деталях, хотя, мне кажется, даже в таком возрасте — и тем более в таком возрасте — это неприличная редкость. Я сразу, конечно, сравниваю с собой и только расстраиваюсь. Меня почти что ничего не устраивает полностью, почти ничего, кроме Маши и Вани. И даже к ним есть вопросы. Я не понимаю, например, почему Ваня все меньше ест. Мне кажется, он скоро перестанет есть вообще. Я его не заставляю, потому что знаю: он же все равно рано или поздно проголодается и захочет есть. И начнет есть. А он не хочет. Можно сказать, что таким образом ему удается меня перехитрить. Да, но какой ценой? Почему он не ест, кто может мне объяснить? Как он тогда живет? Или наконец на свете появился еще один мальчик, который питается святым духом?

Так вот Машу в ее жизни устраивает все, меня почти ничего не устраивает, а Ваню — многое. И Маша категорически не хотела отказываться ни от одного дополнительного занятия, которые заканчиваются, когда на улице уже смеркается даже ранней осенью. Потому что ее все устраивает.

— От изо, может, откажемся, Маша? — спрашивал я ее. — Ну пропустим хотя бы год. Потом снова займемся, как в первый раз все будет.

— Нет! От изо — ни за что! — отвечала она. — Ты правда не понимаешь, что это значит для меня. Отказаться от чего-нибудь мы пытались для того, чтобы найти в ее плотном, без единой щели графике жизни место для плавания, потому что девочке надо похудеть. Но я не говорю ей, что она должна похудеть. Я говорю, что ей же очень нравится плавать, так что она должна плавать. А ей и правда нравится, она уже сейчас плавает быстрее меня любым из трех стилей, которыми она владеет благодаря Елене Геннадьевне. А у меня не было Елены Геннадьевны...

Но к черту жалобы! В конце концов, главное, что у нее она есть.

— Ну хорошо, — говорю я, — тогда от фортепиано? — Может быть, — задумчиво говорит Маша. — А, нет, нет...

— Почему нет?

— Потому что учительницу жалко. Она выбрала меня из всех учеников. Она очень расстроится. Я так не могу.

То есть она будет ходить на фортепиано из сострадания к преподавателю музыки. А сострада-

ние к себе она вправе испытывать? От гимнастики я не мог предложить ей отказаться по тем же причинам, по которым надо найти в ее жизни место для плавания.

— Так, Маша, остается Театр песни.

Она смотрит на меня с таким выражением, что больше я никогда, никогда в жизни ничего подобного ей предлагать не буду.

Потому что я не предатель. Я не совершил ничего такого непоправимого по отношению к детям. Меня не за что так презирать! Не за что так смотреть на меня! Нет уж, лучше я помолчу насчет Театра песни — себе дороже.

И вот Маша потеряла голос, и мы едем к врачу. Мы опаздываем, потому что ездили на художественную выставку, где они видели больших живых змей, которые живут вместе с черепахами, причем мирно, потому что, как правильно сказал Ваня, если змея даже и ужалит черепаху и та погибнет, то все равно змея не сможет съесть черепаху, так как у нее каменный панцирь, и хорошо, что змея это понимает, а то давно бы уже искусила черепаху. Они видели там, как птицы играют на электрогитарах. Стоя у холста из ячменных зерен, Ваня на вопрос девушки, которая демонстрировала ему это торжество современного искусства, описанное еще Ильфом и Петровым, а на самом деле пыталась, что значит вот это да вот это, — Ваня на вопрос, что значат эти желтые круги на красном фоне, справедливо, на мой взгляд, заметил, что через самый центр этих кругов, если прыгнуть в самую центральную точку, от которой расходятся круги, то как раз и попадешь в другое измерение.

Маша молчала, потому что у нее не было голоса. Потом мы обедали в кафе, где Ваня опять перехитрил меня или, вернее, себя и ничего не съел, и поехали в больницу на прием к врачу, который защитил диссертацию на тему потерянных детских голосов.

Мы опоздали, врач и Алена уже минут пятнадцать разговаривали. Было заметно, что они уже нашли общий язык. Причем доктор смотрел на нас так, что, по-моему, чтобы поставить окончательный диагноз, осматривать девочку ему было уже и не обязательно.

Но доктор все-таки осмотрел Машу. Клятва Гиппократова не оставила ему другого выбора.

— Да, — сказал он, — какой трудный случай...

— Доктор, — произнес я, — а давайте вы спросите у Маши, из-за чего так могло получиться. У нее, по-моему, есть версия.

— Какая же у нее может быть версия, — засмеялся доктор, — если даже я пока точно не могу сказать, почему у нее пропал голос!

При этом он не только не глядел на нее, а даже не кивнул в ее сторону.

— А вы знаете, у нее все-таки есть версия, — сказал я. — Я думаю, что она этот диагноз поставила не хуже, чем, может, вы поставите.

А дело в том, что Маша по дороге в больницу шепотом рассказала мне, из-за чего у нее пропал голос.

— Сначала, — объяснила она, — у меня сильно заболело горло. Оно у меня и до сих пор болит. Потом мне надо было идти в Театр песни, и я пошла. Мы пели там два часа. После этого у меня уже не было голоса.

Да и быть, я думаю, не могло.

Версия была, на мой взгляд, исчерпывающе правдивой.

Мне казалось, остается подтвердить ее у доктора и выработать тактику лечения, которая, на мой взгляд, должна была бы состоять в том, чтобы вылечить Маше больное горло, пострадавшее к тому же от недетской любви к пению.

Доктор снисходительно посмотрел на девочку. Он как будто бы взглядом разрешил ей рассказать, что она думает по этому поводу. Но она не проронила ни слова. Она молчала, и я видел, что она сейчас заплачет. Совершенно невыносимо, когда тебе не верят, хотя ты еще не сказал ни слова.

Ваня с печалью поглядывал то на Машу, то на доктора, то на меня, то на маму. Ему не нравилась эта мизансцена. Прежде всего, по-моему, потому, что он не принимал в ней никакого участия.

— Дети, — сказал доктор, — а теперь выйдите, пожалуйста, и поиграйте там в холле. Там игрушки есть, лошадки...

— Да мы в этих лошадках тут еще пять лет назад перестали играть, — недовольно пробормотал, закрывая за собой дверь, шестилетний Ваня. — Если я сяду на эту лошадку, она треснет...

— Так, — произнес доктор, когда дети все-таки вышли, — а теперь, дорогие родители, давайте поговорим начистоту. Что случилось в вашей семье такого, из-за чего девочка потеряла голос? Рассказывайте.

Я изумленно посмотрел на него. Я тоже слышал, что все болезни от нервов, но не предполагал, что врач, защитивший диссертацию, так свято убежден в этом. А может, подумал я, он на самом деле и диссертацию защитил на эту тему? Тогда все понятно. Тогда, значит, он продолжает защищать ее до сих пор — перед самим собой. И готов не задумываясь положить Машу на алтарь своей победы в этой тяжелой борьбе с переменным, по всем признакам, успехом.

— Доктор, она же просто голос сорвала. У нее горло болит, и она два часа пела на износ, — растерянно сказал я.

— Так не бывает, — сухо ответил он.

— Как это не бывает? — еще больше растерялся я. — Это было бы слишком просто, — разъяснил он, и для меня все сразу стало и в самом деле слишком просто. Он еще выписывал направление к детскому невропатологу, но я уже не слышал его. Это все было уже не важно.

Я вспоминал, чем мама полоскала мне горло, когда оно болело. Теплой водой с содой, кажется... Молоко с медом еще пил, точно. Давился, но пил.

Горло у нее прошло через два дня. Голос вернулся через три. Меня лихорадит до сих пор.